

16 АПР 1976

ЖИЗНЬ, КАК ПОДВИГ

К 80-ЛЕТИЮ Б. Г. ДОБРОНРАВОВА

В 1949 году 27 октября на сцене МХАТа шел в последний, 920-й раз, спектакль «Царь Федор Иоаннович». Это был трагический спектакль. Сыграв шестую картину, исполнитель заглавной роли Борис Георгиевич Добронравов умер на сцене... Мы все, участники спектакля, в оцепенении стояли за закрытым занавесом и слышали, как помощник режиссера объявил зрителям, что спектакль продолжаться не может. Борис Георгиевич ушел из жизни пятидесяти трех лет...

Истинно русский, национальный артист, Добронравов завораживал и пленял зрителей страстным темпераментом и незаурядным человеческим обаянием. Во всей его могучей актерской природе, во всем его творчестве было то, что так дорого в русском реалистическом актере, — ошеломляющая простота и щемящая душу искренность, искренность больших и сильно выраженных чувств.

В 1931 году К. Станиславский писал Добронравову: «...Наступила эра создания новой культуры. Впереди огромная работа. Вам предстоит развернуть и отдать свои силы с удивительной энергией Художественному театру на этом новом этапе его жизни. Будьте такими же чуткими и правдивыми в искусстве, какими были Вы за истекшие 15 лет. Желаю Вам успеха и радостного труда в эту знаменательную эпоху нашей страны...»

В 20—30-е годы рождалась советская драматургия. На сцену выходил новый, как тогда говорили, «социальный герой», страстно верящий в идеалы коммунизма. И одним из первых артистов, которые своим талантом, своим сердцем и обаянием воплощали на сцене новых, современных героев, был Борис Георгиевич Добронравов.

В работе над этими ролями проявилось одно из главных качеств Добронравова — докапываться до самой сути образа. Так, готовясь к роли командира эскадрильи в пьесе Ф. Ваграмова «Взлет», он не только бывал на аэродроме, в мастерских и у летчиков, но и садился вместе с ними в самолеты... Работая над образом Платона Кречета в пьесе А. Корнейчука, он постигал труд врачей, присутствовал на операциях... Добронравов не мог играть то, чего не знал и чем не жил на самом деле. «...Я не приемлю «представления», — писал он. — Мне нужна внутренняя правда, для меня важно переживание... Завет Станиславского — «идти от себя» и могущественное «если бы» я выполняю буквально. Я всегда иду в роли от себя, от внутреннего».

В пьесе В. Киршона «Хлеб» Добронравов выступил в роли большевика Михайлова, действовавшего в трудных условиях тогдашней деревни. Он сыграл его с необыкновенной душевностью, внешней простотой и человеческой сложностью. А позднее, в спектакле «Земля» Н. Вирты, поставленном МХАТом к 20-летию Великого Октября, Добронравов создал образ Листрата, покорившего зрителя своей ясностью, обаянием и убежденностью в победе большевиков. Но и создавая так называемые «отрицательные» образы, он играл их не однозначно. Роль поручика Михаила Ярового в спектакле «Любовь Яровая» К. Тренева давалась ему тяжело. Неверие сыграть ее у Добронравова порой доходило до отчаяния. Постановщик спектакля Вл. Немирович-Данченко помог Добронравову раскрыть внутреннюю сущность этого образа: «Это враг сильный и до последнего вздоха убежденный. Его героизм вырождается на наших глазах в истерику». Яровой Добронравов в черной военной форме метался по сцене в нервном возбуждении, как загнанный зверь, озираясь, присаживаясь на секунду, бро-

шая на колено парализованную руку в черной перчатке и опять стремительно выскочивая...

Не сразу сложилась его творческая судьба — долгие годы Добронравов, как и все молодые артисты Художественного театра, был занят в народных сценах и играл роли несчетных слуг. И только в середине 20-х годов он сыграл сразу несколько контрастных ролей и заявил о себе как об актере с громадными возможностями. Одна из них — Васька Пепел в старом спектакле «На дне» М. Горького. Другая — в ярком, порой гротесковом спектакле А. Островского «Горючее сердце» в гениальной постановке К. Станиславского — роль приказчика Наркиса, сыгранная им с острой, неожиданной характерностью. И, наконец, в 1926 году он сыграл роль Мышлаевского в «Днях Турбиных» М. Булгакова, в спектакле, поставленном И. Судаковым. Этот спектакль означал рождение второго поколения артистов МХАТа, поколения, которое дало новую жизнь легендарному театру.

Среди талантливейших актеров второго поколения, воспитанных К. Станиславским и Вл. Немировичем-Данченко, Добронравов занимал совершенно особое место.

«Мне всегда нравились и нравятся, — писал Добронравов, — роли сильные, дающие возможность выразить крупные, яркие чувства... И, получая такие роли, он потрясал зрителей заразительным темпераментом и глубочайшей правдой. Но сам Добронравов был мучеником своей профессии и строго себя судил. Вот что он написал: «...Я никогда не считал роль окончательно готовой... Какую бы роль я ни исполнял, я никогда не уверен, что делаю ее так, как нужно... Ни одна роль не дала мне полного удовлетворения... В лучшем случае меня удовлетворяли отдельные места...»

В жизни Борис Георгиевич был человеком простым и прямым. Он говорил всегда то, что думал и чувствовал. А когда его что-нибудь особенно смешило, то хохотал до слез — громко, весело, озорно — «по-добронравовски»... И глаза его были такими же, как на сцене: внимательными и пронизывающими. Казалось, что для него нет разницы между сценой и жизнью. Ибо и на сцене он буквально жил жизнью образа. Это, пожалуй, особенно относится к его последней роли — Войницкого в «Дяде Ване». Он играл ее с громадным успехом. Дядя Ваня у него был крупной загубленной личностью, как бы вдруг очнувшейся от обмана, от шаманства бездарного профессора и его болтовни. Он играл его восставшим и вновь сломавшимся, но мужественно переживающим свою боль человеком.

Это был безмерно талантливый актер школы переживания, школы Станиславского и Немировича-Данченко, школы Художественного театра. Это был могущественный мастер, наделенный даром владеть чувствами и умами людей.

Во время войны Добронравов вместе со своими товарищами участвовал во фронтовых концертных бригадах, выступал в госпиталях перед ранеными бойцами. В эти же годы он сыграл капитана Сафонова в «Русских людях» К. Симонова. «Суровый, немногословный человек, для которого в обстановке войны сущность жизни, весь ее смысл определен в словах: «Стоять насмерть!» — так говорил об этой роли сам Добронравов, так он ее и играл.

И не одну только эту роль. Он так и жил, как играл, — с полной отдачей. И вся его жизнь, вплоть до последнего выхода на сцену, была, как подвиг.

Владлен ДАВЫДОВ,
народный артист РСФСР.